

Под бетоном прописано детство *Александр Драбкин, Биробиджан*

В январе 1993 года новогодний ледовый городок был на том же самом месте, где и сейчас. Горка была огромной, а её дорожка - скользкой. Второго января меня угораздило упасть там и вывихнуть плечо. Мне полагался больничный лист, но я не стал его получать, и поэтому восьмого января после обеда прокурор Биробиджана Виктор Иванович Кизикин поставил мне, следователю, задачу выдвинуться к дому номер девять на Пионерской улице, где убили сотрудника ГАИ Олега Лисина.

Я знал Олега ещё мальчишкой, у нас мамы дружили. Впрочем, я тогда не думал об этом – работал и всё. А сегодня шёл мимо этого дома, увидел мемориальную табличку и вспомнил, что в прошлом году Олегу перевалило бы за сорок. Как быстро время летит, мне самому уже скоро шестьдесят... На секунду, не более, перед глазами мелькнуло детство. И эта самая улица, которая и Пионерской-то не сразу была названа, и эпизодов, важных для меня и моих ровесников, здесь было значительно больше, чем расследование одного убийства.

Иногда бывшие биробиджанцы, через десять-пятнадцать лет приезжающие в город, не узнают многих мест, и потому больше грустят и меньше радуются красивой набережной или, скажем, «Арбату». Им ближе был старый рынок, где прямо возле автобусной остановки была деревянная столовая. Ох, как я отравился в ней однажды! А все равно грустно, что всего этого нет. Возле городского парка карьеров нет, где каждый год начинали купаться 19 мая, на День пионерии. Да, многого нет, хотя от воспоминаний об этом становится светлее и радостней на душе...

Фотоколлаж: "Ди Вох", Биробиджан

Для меня и моего друга Сашки Шеймана такое памятное место – пяточок напротив нынешнего роддома, примерно там, где большая асфальтированная парковка. Задолго до того, как в городе появились проспект 60-летия СССР и Пионерская улица, здесь стояли три двухэтажных барака, и место это называлось Бирским переулком. Бараки глазели окнами на убогий двор областной больницы, где с краю притулился маленький морг. Жильцы, чьи окна выходили на больницу (Сашкина квартира была именно такой),

часто во время завтрака или обеденной трапезы наблюдали, как в морг заносили его временных и молчаливых обитателей. Старики задерживали занавески, а молодежь, напротив, пялилась на процессию.

В переулке в те годы ходили байки про морг, слушать которые было смешно и страшно одновременно. Ну, например, как одна сильно пьющая дама в соответствующем состоянии зимой искала место, где можно было бы хоть немного погреться. Она забрела именно в это отделение больницы и уютно устроилась на секционном столе. Сторож морга, человек не трусливый, весёлый и тоже любивший выпить, как раз в это время и именно с означенной целью отлучился с рабочего места. Вернувшись навеселе, потирая замёрзшие руки, он крикнул: «Ну что, есть тут кто живой?» – так он делал всегда и очень гордился своей шуткой. На сей раз на обращение к покойникам сторож получил неожиданный ответ. С секционного стола донеслось: «Ты чего орёшь?! Дай поспать спокойно». Говорят, старик уволился и бросил пить. Да это ещё что?! Местный хулиган, имя которого я и сейчас опасаясь называть, воспользовавшись однажды отсутствием сторожа, усадил покойников в круг, раздал им игральные карты и каждому вставил в рот окурочок папиросы... Что потом было с санитарями!..

Во дворах «деревяшек» стояли сараи, где хранили хозяйственную утварь и дрова. Прилегающая к ним территория была огорожена забором – здесь мы научились колоть дрова и складывать их в поленницу. Дядя Миша, отец Сашки Шеймана, учил нас этому ремеслу. Замечательный старик умер в Израиле, и когда мы там поминали его, я почему-то именно дрова за столом и вспомнил. А Сашка ничего такого не вспомнил, для него колоть дрова – было с детства обычным делом.

За Бирским переулком начиналось Бирское поле – в те годы одна из главных спортивных арен Биробиджана. Чаще всего там играли в футбол три команды: русские, евреи и бамовцы. Для несведущих скажу: бамовцами называли тех, кто успел побывать за решёткой. Естественно, никакого реального деления спортсменов по национальному признаку не было. Пришёл, когда игра началась, а русские уже в полном составе – играй за евреев. Или за бамовцев, даже если не успел отсидеть. «У тебя всё ещё впереди», – любил говорить один наш футболист «из основного состава». По национальности он был евреем, отсидел – и потому всегда уточнял, за кого он сегодня играет. Это был великий братский футбол, где за «жида» можно было получить по морде – и от бамовца, и от русского. О евреях я уже не говорю.

В 1972-м, «в ознаменование 50-летия Всесоюзной пионерской организации...» – так написано в архивных документах, Бирский переулок переименовали в Пионерскую улицу. Двухэтажные бараки здесь снесли в конце восьмидесятых. И теперь уже улица моего детства видна из других окон.

Постройки на берегу Биры называли проспектом 60-летия СССР. Здесь встали облизполком и обком КПСС, ныне это здания правительства области и областного суда. Я помню, как в мутные девяностые на площади между ними стояли пикетами с лозунгами и плакатами студенты педагогического института. Наученные старшими товарищами, они требовали отдать институту здание обкома партии. Несчастные дети: они просили у властей то, что, может быть, нужно было не столько им, сколько разного рода руководителям. Несмотря на то, что есть в нашем городе улица Ленина, архитекторы не стали «украшать» её огромным изваянием вождя мирового пролетариата. Но поставили его именно там, где детство дарило нам много тёплых и

радостных мгновений.

Уже и СССР нет давно, а проспект растёт и хорошеет. И пионеров в России не стало, а улица Пионерская есть. И на доме номер девять висит мемориальная табличка: «Здесь 8 января 1993 года при исполнении служебных обязанностей от рук преступников погиб сотрудник ГАИ старшина милиции Олег Викторович Лисин». В тот день Олег задержал автомобиль, в котором ехали трое мужчин, заподозренные в совершении кражи.

Старшина не был трусом. Он забрал у шофера водительское удостоверение и, сев на заднее сиденье, потребовал, чтобы автомобиль вместе с пассажирами проследовал в городской отдел милиции. Возле того самого дома – как горько шутили потом, прямо за спиной у дедушки Ленина – водитель резко свернул влево и остановился. Пассажиры стали убегать, но милиционер, сначала попытавшийся догнать их, вернулся к машине: он был спокоен и уверен в том, что водитель без документов убегать не станет. Старшина наклонился, чтобы открыть дверцу, когда прозвучал выстрел. Весь ружейный заряд попал в голову. Водитель-убийца, выстрелив из обрезка, скрылся. Его и соучастников кражи задержали 29 марта. Убийцу приговорили к исключительной мере наказания – смертной казни. А на доме № 9 осталась эта горькая метка. Раньше на месте, где убили Олега, я иногда видел цветы, которые кто-то оставлял в день его смерти.

Бирский переулок так и не «вырос» ни в улицу, ни в проспект. Потому что переулки судьбу себе не выбирают. Зато к середине двухтысячных в этом районе были построены здания роддома и женской консультации. Поскольку фактически они составляют одно целое с областной больницей, адрес зданиям присвоили старый - Шолом-Алейхема, 19. Здесь что ни день, то цветы, улыбки, фото- и видеокамеры. Из этих окон виден отвернувшийся, обделённый женским вниманием дедушка Ленин. А ещё – парковка, площадь и набережная, где под слоем бетона прочно упаковано наше детство.